

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
- Гуннхильд, северная невеста
- Венец Прямыславы
- Тайна древлянской княгини
- МАЛУША. За краем Окольного
- МАЛУША. Пламя северных вод

Елизавета Дворецкая

МАЛУША

ЗА КРАЕМ ОКОЛЬНОГО

Москва 2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Художественное оформление серии
Дмитрия Сазонова

Иллюстрация на переплете
Юлии Толстоусовой

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Малуша. За краем Окольного / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-116880-3

Недолгая любовь между молодым князем Святославом и Малушей, бывшей ключницей княгини Ольги, привела к разрыву. Спасая семью от позора, Ольга увозит Малушу подальше от Киева, на север. В глухом лесу, в тайне от всего света, шестнадцатилетняя Малуша рождает княжьего сына. Его ждет судьба лесного волхва, наследника тех, кто приютил изгнанницу. Но молодая мать не может смириться с тем, что ее ребенок, потомок многих правящих родов, сгинет в безвестности. И однажды за ней приходит незнакомец, чтобы вывести ее назад в белый свет и вернуть утраченное...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116880-3

© Дворецкая Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Предисловие автора

Как видно из названия, главной героиней этого романа является Малуша, известная из Повести временных лет как мать князя Владимира Святославича, будущего крестителя Руси. Она — историческое лицо, но она же — один из персонажей моего цикла романов «Княгиня Ольга». Здесь я для удобства читателя кратко обрисую обе стороны этого образа — исторический и литературный.

Достоверных данных о Малуше крайне мало. В древних памятниках (летописи) о ней сказано всего ничего: была дочерью некоего Малко Любчанина (Малько Любчанинь), сестрой Добрыни (будущего воеводы), милостницей (или ключницей) княгини Ольги, родила сына от князя Святослава... и на этом факты ее биографии заканчиваются. Кто такой был этот Малко Любчанин? Что стало с Малушей после рождения Владимира? Ответов на эти вопросы в источниках нет. Даже неизвестно толком, что такое «милостница» — не то фаворитка, не то должностное лицо, раздающее милостыню от имени княгини. Ясно только, что если она все же была ключницей, то значит, была рабыней, поскольку ключник — должность рабская.

Удивительно, насколько мало интереса к Малуше испытывала старая традиция. Ведь если подумать — это не кто-нибудь, это мать самого крестителя Руси! Пусть о ней не сохранилось реальных сведений, но миф мог бы и к ней подтянуть что-то интересное (как он это сделал с Ольгой). А еще она родная сестра богатыря Добрыни; пусть Добрыня Малкович из летописи и Добрыня Никитич из былин вовсе не одно и то же, но они связаны. Малуша могла бы повторить судьбу брата и послужить прообразом какой-нибудь героини былин. Могла оказаться даже святой, если была крещена в числе Ольгиной челяди (что весьма вероятно), то есть была из первых христианок на Руси и родила одного из главных древнерусских святых. Уж рассказ о ее праведности и добрых делах для жития всегда можно сложить даже на пустом месте. (Как это, собственно, произошло с Ольгой, за которой неизвестно никаких конкретных христианских подвигов, есть лишь общее описание ее добродетелей.)

Однако Малуше как персонажу преданий очень не повезло. Владимир, ее сын, занял центральное место в сюжетах о начале христианства на Руси, но место матери в мифологической паре «богиня-мать и ее священный сын» уже было занято княгиней Ольгой. Ольга заступила в предании место женщины, «рождающей» будущего равноапостольного (пусть и в духовном смысле), и вытеснить оттуда ее, княгиню и святую, у ключницы не хватило боевого веса. Малуше, истинной матери святого Владимира, просто не осталось места в сюжете, и она фактически выпала из легенды. Остались лишь глухие упоминания о том, что Ольга якобы гневалась на нее и со-

слала в село Будутино (неизвестно, где оно находилось).

Да и была ли Малуша на самом деле? Для сомнений есть некая причина. Известно, что житийный образ княгини Ольги был создан под влиянием житий ее святой покровительницы, равноапостольной царицы Елены, матери святого Константина (годы жизни ее 250—330-й, то есть III—IV вв). Среди прочего, об этой святой родственной паре известно следующее: рассказывают, что в доме своей матери Константин встретил девушку-христианку по имени Минервина, женился на ней, она родила ему сына, но вскоре умерла. Весьма заметно сходство между Минервиной и «милостницей» Малушей, которую Святослав тоже повстречал в доме своей матери и тоже имел от нее сына, после чего она сразу исчезла из его биографии! Даже имена их на одну букву начинаются...

Недостаток реальных сведений о Малуше возмещается обилием домыслов. Первый вопрос, который надо рассмотреть — происхождение и статус семьи. На этот счет существует немало версий, но основные, если коротко, таковы.

В. Н. Татищев со ссылкой на польского историка Стрыковского приводит предание, что-де был в Новгороде «гость знатный Каплюшка Малец», а у него две дочери — Добрыня и Малуша. Татищев указывает на ошибку поляка, посчитавшего Добрыню девушкой, и добавляет, что между Малушей и Ольгой должно быть свойство, «ибо чин ключницы при дворе был знатный».

Д. И. Прозоровский (1864) считал Малушу дочерью древлянского князя Мала.

А. А. Шахматов считал, что ее отец — Мьстиша-Лют Свенельдич, чье имя, как он считает, видоизменилось в «Малк».

Под 1000 годом в «Повести временных лет» указано «Преставися Мальфридъ» (Малфрида). В науке считают, что эти короткие упоминания о смерти Малфриды (и Рогнеды в тот же год) взяты из древнего синодика, то есть поминального списка Десятиной церкви, где никакой информации, кроме имен, и не содержалось. Еще Шахматов сто лет назад предположил, что Малфрида и есть Малуша, потому что только мать князя (Владимира) была всем известна без пояснений. Но с тем же успехом эта Малфрида, по аналогии с Рогнедой, могла быть и одной из его жен. Сходство имен в данном случае полудоказательство. Имя Малфредь по происхождению германское: древнескандинавское *málmr* (руда, металл) + *fríðr* (красивый, прекрасный) либо *fríðr*, *frøðr* (мир, спокойствие). Малфрид — Малфредь — Малфа — Малка — Малуша, ход трансформации мог быть каким-то таким. Разумеется, германское происхождение имени и на образ самой девушки накладывает известный отпечаток. Но само то, что Малуша и Малфрида — одно и то же лицо, научным фактом считать нельзя.

Наиболее популярна версия о тождестве Малка Любечанина и древлянского князя Мала, при котором древляне в 945 году убили князя Игоря, после чего Ольга и Святослав жестоко им отомстили. Но конец истории самого Мала в источниках не описан, что дало возможность Прозоровскому и его последователям предполагать, будто Ольга взяла его плен и поселила в Любече, а детей его держала при себе. Эта

версия весьма выгодна и в политическом отношении (благодаря ей будущий креститель Руси становится потомком князей и по матери, а не только по отцу), и в художественном, поскольку дает основания для ярких переживаний и драматичных поворотов сюжета. Но, строго говоря, признать ее обоснованной нельзя: летописцы ведь не отождествляли Мала и Малка, хотя сходство этих имен точно так же было у них перед глазами. Это означает, что в XI—XII веках не было информации о том, что это одно лицо. Если бы ходила такая легенда, то Нестор мог написать что-то вроде «Иные же сказуют, что посадила Ольга Мала в Любече и Добрыня и Малуша суть его дети». Но он просто оборвал сюжет о князе Мале, оставив судьбу его вовсе неизвестной¹. А зачем ему было ее замалчивать, если бы знал? Что бы ему помешало их связать? К XII веку борьба со старой древлянской династией была уже совсем неактуальна, и происхождение не от простой ключницы, а от княжны, пусть и полоненной, украсило бы род Рюриковичей. Но, вероятно, летописец этой связи не видел, или даже точно знал, что ее нет, и у нас нет новых фактов в ее пользу.

Несколько подкрепляет версию высокого происхождения Малуши тот факт, что Владимир все же вошел в число наследников отца, хотя легко можно предположить, что у Святослава имелись и другие дети от рабынь. Ключница могла иметь высокое проис-

¹ Конец истории Мала описан только в очень позднем памятнике, «Псковском Кронике» конца XVII века: взятого в плен Мала княгиня Ольга якобы приказала рассечь на части и разбросать их по полю. Очень яркий и даже правдоподобный ход, но затруднительно верить, что истинные события сумел донести единственный (и крайне фантастический) источник, возникший 700 лет спустя.

хождение (пленная княжна враждебного дома), но это, по средневековым меркам, не снимало с ее потомства позорного пятна «дети рабыни», отраженного в летописной легенде об отказе Рогнеды. Так что однозначных ответов здесь дать нельзя, но для построения художественных версий простор открывается самый широкий.

Итак, предание не воспользовалось случаем создать для Древней Руси еще одну святую либо просто яркую героиню, но и современная литература этот пробел восполняет слабо. Главное, очень трафаретно. В исторических романах об этой семье утвердилось весьма сентиментальное представление, будто отважный воин Святослав не любил свою законную жену/жен (о которой/которых мы ничего достоверно не знаем), а любил простую девушку Малушу. Как будто для рождения ребенка от господина и его служанки непременно нужна роковая любовь на всю жизнь!

Вот, например, строки из романа Антонова Александра «Княгиня Ольга»:

«Когда солнечным весенним утром в княжеских теремах появилась на свет девочка, кою потом назвали Малушей, Святославу было два годика. В ту пору эти несмышлениши не могли знать, что им суждено полюбить друг друга и пронести свою чистую любовь через всю жизнь. У Малуши после князя Святослава уже не будет мужчины, и она, еще молодая и красивая, до конца дней останется вдовой. Он же, волею матушки женатый на нелюбимой, до последнего часа, наступившего в двадцать девять лет, будет грезить и жить Малушей и умереть с ее образом в сердце»...

В этом же ключе подана история в романе Семёна Скляренко «Святослав»: и там Малуша — жертва вечной любви, разрушенной злыми людьми. Как будто после краткого романа со Святославом она так и просидела всю жизнь, глядя ему вслед и думая лишь о своем единственном сыне.

Каждый, разумеется, вправе подавать образы, как они ему видятся. Да и в реальности варианты возможны были какие угодно. Может, историческая Малуша умерла родами и поэтому ребенок оказался на руках у бабушки (Ольги), а о матери его и сказать-то толком было нечего. Но если она прожила еще какое-то время, то мать княжеского сына — фигура, имеющая некий вес. В годы детства Владимира, конечно, еще никто не знал, что выйдет из этого плода случайной связи. . .

В любом случае, образ Малуши как литературной героини способен дать гораздо больше. Коротко обрисую путь, который она в моей художественной версии прошла к началу этой истории.

В цикле из двенадцати романов «Княгиня Ольга» были описаны предки Малуши по всем линиям родства. По отцу она происходит из рода древлянских князей. Наиболее знатные предки Малуше достались от матери, Предславы Олеговны. Предслава была дочерью Олега Предславича, чьей матерью была Венцеслава (дочь Олега Вещего), а отцом — Предслав Святополкович (он историческое лицо, хоть и предполагаемое), последний представитель рода Моймировичей, князей Великой Моравии, уничтоженных нашествием угров. В юности Олег Предславич был своим дедом (то есть Олегом Вещим) в порядке обмена заложниками отослан из Киева на север, в Хольм-

гард (предшественник Новгорода), где правили Олав и Сванхейд; там он женился на их дочери, Мальфрид. В честь бабки по матери, Мальфрид, получила имя и наша героиня. Таким образом, она, родившись как княжна древлянская, одновременно приходится праправнучкой самому Олегу Вещему.

Когда Мальфрид-Малуше было пять лет, разразилась легендарная война между Киевом и землей Древской: древляне убили киевского князя Игоря (в тексте — Ингвар), а его жена Эльга и сын Святослав, которому тогда было 13 лет, заново подчинили мятежников. Князь Володислав, отец Малуши, был сочтен погибшим при разгроме Искоростеня, древлянской столицы, вновь объявился спустя почти десять лет, но незадолго до начала нынешней истории все же погиб. Ее мать, Предслава, свою родственницу, вместе с двумя малыми детьми Эльга забрала в Киев. Очень скоро Предслава вновь вышла замуж, а ее детей, Добрыню и Малушу, Эльга держала при себе.

Когда Малуша подросла, к ней начали проявлять интерес самые разные, но могущественные люди, от греческого цесаря до окрестных князей. Их привлекало ее происхождение, поскольку благодаря многочисленным династическим бракам ее предков она оказалась наследницей сразу пяти правящих домов: князей моравских, древлянских, полянских, русских южных (Олегова дома) и русских северных (Хольмгарда). Но киевские князья видели опасность в том, если какой-нибудь могущественный человек получит все эти права в приданое с такой женой, поэтому Эльга «привязала ключ» Малуше, то есть, поставив ее на должность ключницы, официально обратила ее в раб-

ство. Будучи, по существу, знатнее всех на Руси, не исключая и самой княгини Эльги, пятнадцатилетняя Малуша стала рабыней. (Эта часть истории описана в романе «Ключи судьбы»).

Не оставляя попыток вырваться из неволи и занять высокое положение, для которого рождена, Малуша сумела привлечь внимание самого Святослава. На этом пути она уже к шестнадцати годам пережила несколько взлетов и падений, но в конце концов Святослав, поставленный судьбой и матерью перед выбором, предпочел свою законную жену, смолянскую княжну Прияну. А Малушу Эльга постаралась убрать с глаз, отправив на другой край света, в Плесков, где жила ее родня и куда к тому времени переселилась мать Малуши, Предслава, со своим вторым мужем (роман «Две зари»).

На этой точке и начинается новый этап в жизни княжны-ключницы. А того, к чему он в итоге привел, не только героиня, но даже сам автор, честно сказать, изначально не ожидал...

Часть первая

Эти две женщины состояли между собой в родстве уже двадцать пять лет — с тех пор как юная Эльга вышла замуж за старшего сына Сванхейд. Обе они были знатного рода, и каждая много лет полновластно правила в своей части великого Восточного Пути: одна в Хольмгарде над Волховом, в северной его оконечности, а другая в Киеве, где было его сердце. Но сегодня, в один из дней последнего месяца зимы, они впервые в жизни увиделись воочию. В первый раз за все эти годы Эльга киевская с дружиной отправилась на север, к реке Великой, в свои родные края. Ловать привела ее к Ильмень-озеру, и дальше обоз двинулся вдоль западного его берега, до устья другой большой реки — Шелони. Шелонь, что текла к озеру с запада, служила дорогой к Плескову. Но прежде, чем повернуть на запад, Эльга, оставив дружину, обоз и челядь в Будгоще, с десятком отроков пересекла по льду Ильмень, чтобы хотя бы раз в жизни повидаться со своей старой свекровью.

Более десяти лет уже не было в живых Ингвара — сына одной из них и мужа другой, того, чья память их связывала. И, когда Эльга вошла в просторную

гридницу старого хозяйского двора, когда Сванхейд сделала несколько шагов ей навстречу — редкая честь, какой старая госпожа удостаивала лишь самых почетных своих гостей, — когда они впервые взглянули друг на друга, обе сразу подумали о нем.

— А твой сын похож на тебя, — сказала Сванхейд, зная Святослава. — Только глаза и лоб у него от Ингвара.

«Она совсем не похожа на сына, — отметила в это время Эльга, хотя понимала, что трудно было бы отыскать сходство между семидесятилетней морщинистой, сгорбленной старухой и мужчиной в расцвете сил, каким был Ингвар, когда она видела его в последний раз. — Разве что глаза...»

Зато большое сходство было между самой Сванхейд и ее обиталищем, Хольмгардом, самым старым и прославленным варяжским гнездом на Волхове. Полтора века назад площадку городца обнесли стеной в виде дуги, что упиралась концами в берега Волхова и прикрывала поселение со стороны суши, оставляя открытым выход к воде, как многие поселения норманнов в разных частях света. Поначалу его укрепления состояли из четырех рядов бревенчатых срубов, засыпанных землей, и глубокого широкого рва. Из этого гнезда варяжские вожди вели войны, подчиняя ближние и дальние волости. В округе городцов было немало: и варяжских, и словенских, из-за чего этот край у варягов получил название Гарды — Города. Но уже давно укрепления Хольмгарда не подновлялись, год за годом их подмывали разливы Волхова. Сейчас от четырех рядов городней уцелели только два, тын над ними разрушился, ров заплыл, занесенный паводка-

ми, и на некоторых его участках уже выстроили хлебные клети с печами для выпечки и разные кладовки. Только на южном конце дуги, со стороны озера, над воротами, сохранилась вежа, с которой можно было видеть реку от самого истока. Такова же оказалась и Сванхейд; мощная и прекрасная прежде башня обветшала, сохранив лишь следы величия. Эльга много слышала о ней в давние годы, когда это была рослая, статная, не слишком красивая лицом, но благородной повадки женщина. Как и Эльга, после смерти мужа она осталась госпожой в своем краю и много лет управляла им твердой рукой. Но годы согнули ее, лицо покрыли морщины, лишь взгляд голубых глаз, по-прежнему острый и умный, да уверенная речь выдавали, что рассудок и дух ее не понесли урона в битве со временем.

— Садись. — Сванхейд кивнула госте на резное кресло возле своего почетного хозяйского сиденья. — Обычно здесь сидит Бер, мой внук, но он охотно тебе уступит...

Эльга улыбнулась, глянув на крепкого светловолосого парня лет восемнадцати, который встретил ее на причале и проводил сюда. Это был единственный сын ее родной сестры Бериславы, и его она сегодня тоже увидела впервые.

— Или ты хочешь сесть сюда? — Слегка дрожащая рука Сванхейд указала на высокое кресло хозяйки; его подлокотники были украшены резными бородатыми головами, а на сиденье лежала подушка, обшитая кунным мехом. — Ты имеешь на это право. Еще когда Ингвар... — она сглотнула и перевела дух, словно от имени сына ей сушило горло, — единственный раз был здесь, я сказала ему: если бы ты привез твою

княгиню, я уступила бы ей место хозяйки, потому что ты — истинный глава этого дома.

Сванхейд и правда нелегко было говорить об Ингваре. Всю жизнь она провела в разлуке с тем из своих сыновей, кто наиболее возвысил род; мать почти его не знала и теперь смотрела на его вдову, будто надеялась перенять у нее знание того, кто ушел от них навсегда.

— Нет-нет, — с улыбкой возразила Эльга. — Я ни за что не лишу тебя места, которое ты украшала целых пятьдесят лет.

— Но ты — госпожа всех земель от Варяжского моря и до Греческого. Мой сын объединил их и сделала тебя их хозяйкой.

— Теперь уже не я их госпожа. У моего сына есть жена, княгиня Прияслава. Нынче он владеет всеми нашими землями и Прияна делит с ним эту власть.

— Но я слышала, между ними неладно и она оставила его? Вернулась к родне в Свинческ, уже года два назад, разве нет? И вместе с ребенком?

— Так было. Но наконец этот разлад в прошлом. Перед Карачуном Прияна возвратилась в Киев и привезла сына. Ему уже два года. Я верю, теперь между ними все пойдет ладно.

Эльга подавила вздох. Примирение сына с невесткой стоило ей немалых трудов и было оплачено дорогой ценой.

— Так значит, мы с тобой обе теперь лишь старые вдовы, — промолвила Сванхейд и, повернувшись, побрела назад к своему престолу. Светловолосый внук подал ей руку и помог усесться. — Давай тогда сядем и поговорим как две старые вдовы. Ради чего ты

пустилась в такой долгий путь? Ведь не для того же, чтобы меня повидать?

Хоть Эльга и славилась мудростью, ответить на этот вопрос было не так легко. Почти два месяца она ехала из Киева на север, в Плесков, где родилась сорок лет назад и где жила ее кровная родня, но княгиня киевская не ездит в такую даль ради родственных свиданий.

— Ты ведь собираешься вернуться? — Видя заминку, Сванхейд пристально взглянула на нее.

Быть может, с возвращением в Киев молодой княгини для старой там не осталось места?

— Куда? — Гостья не сразу поняла ее.

— В Киев.

— О да! — Эльга как будто удивилась. — Разумеется, я вернусь. Меня никто не гнал из дома. Как ты могла подумать?

— Отчего же нет? — Сванхейд повела рукой. — Твой сын, а мой внук отличается суровым нравом. Ведь та твоя родня, что сейчас живет в Плескове, туда не по доброй воле приехала. Святослав изгнал из Киева сводного брата. Едва не убил. Это правда, слухи меня не обманули?

Эльга промолчала, не возражая.

— Я ведь знаю Святослава, — продолжала Сванхейд. — Он прожил у меня здесь два года. Те последние два года... пока Ингвар был жив. Уже в те годы мой внук выказывал крутой нрав.

Эльга взглянула на Бера: тот молча усмехнулся и прикусил нижнюю губу, будто мог кое-что порассказать о крутом нраве своего двоюродного брата — киевского князя Святослава.

— Это правда, нрав у него нелегкий, — согласилась Эльга. — Но у него, слава богу, хватает ума понять, что без советов матери собственный нрав его погубит. Он хочет жить, как Харальд Боезуб или как Ивар Широкие Объятия, завоевать все страны, какие только ему известны. Но что происходит в уже покоренных землях, его мало занимает, лишь бы ему платили дань и давали людей в войско для новых походов.

— Это мы заметили! — Сванхейд прищурилась. — Вот уже десять лет как он здешний князь, но мы ни разу еще не видели его!

— Прошлым летом он собирался на угличей и дальше от них на запад, но поход сорвался, потому что к нам наконец прибыли послы от Романа..

— Да, я слышала, Константин умер. Что об этом рассказывают?

За минувший год случилось столько всяких событий, что повествование затянулось. Смерть Константина, цесаря греческого, посольство от его сына и наследника Романа, приезд в Киев Адальберта — епископа, назначенного для руси Оттоном, королем восточных франков. Но Святослав вынудил епископа уехать, и на обратном пути на немцев напали разбойники. Вожак их при этом оказался убит, и в нем узнали Володислава — бывшего князя древлян, который уже десять лет, со времен войны в земле Деревской, считался погибшим. Лишь минувшей весной вдруг выяснилось, что он жив и скрывался.

— Но теперь он несомненно мертв, его опознали несколько человек, кто хорошо знал его в лицо. В их числе Олег Предславич, — рассказывала Эльга,

и Сванхейд кивала: Олега она знала, он был ее зятем. — А у меня на руках остались Володиславовы дети. Они в Киеве с той зимы, когда мы разбили древлян, но поначалу жили с матерью, Предславой. А когда два года назад она уехала в Плесков, они остались у меня. Их двое, сын и дочь. Девушку мы зовем Малушей, но ее первое имя было Мальфрид — в честь бабки.

— Мальфрид? — повторила Сванхейд, и голос ее дрогнул. — Она ведь внучка моей дочери Мальфрид?

— Да, дочь Предславы, твоей внучки от Мальфрид. Она уже совсем взрослая. Я держала ее при себе, она носила мои ключи, но было немало охотников взять ее в жены. Я отослала ее во Вручий, к ее деду Олегу, но ее едва не похитил Етон плеснецкий. Оставлять ее в наших краях было слишком опасно, и я решила, что лучше ей уехать из Русской земли и жить со своей матерью. Подальше от всех наших раздоров. . .

— Так ты привезла ее с собой? — Сванхейд наклонилась вперед. — Эту девушку?

— Да, я хочу, чтобы она жила с Предславой.

— Где же она? Я хочу повидать мою правнучку.

— Я оставила ее в Будгоще, со всем обозом.

— Что же так? — Сванхейд явно была недовольна. — Это ведь старшая моя правнучка, и она уже совсем взрослая. . . При мне никого почти не осталось, вон только Бер. Я была бы рада. . .

— Она сейчас не совсем здорова, — сдержанно ответила Эльга, намекая, что хочет уйти от этого разговора. — Пусть отдохнет пока в Будгоще у Вояны, наберется сил. А потом у матери ей будет лучше всего.

Эльга пробыла в Хольмгарде только одну ночь, а наутро пустилась в обратный путь через озеро, к сво-